

Елена Арсеньева

«Тело твое, косы твои...» (Ксения Годунова, Россия)

Часть сборника
*Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Елена Арсеньева
«Тело твое, косы
твои...» (Ксения
Годунова, Россия)
Серия «Преступления
страсти. Месть за любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161598

Аннотация

«Хоть и сказал когда-то Господь, люди, мол, все для меня равны, все они чада мои, всех я их равно люблю и грехи прощаю, однако сами же его создания сих слов словно и не слышали. То и дело отступают от Божьих заповедей! Ну ладно еще бы в миру, в юдоли греха, царили злоба и немилосердие, однако и в обителях Божиих такие же дела творятся!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Елена Арсеньева

«Тело твое, косы твои...»

(Ксения Годунова, Россия)

Хоть и сказал когда-то Господь, люди, мол, все для меня равны, все они чада мои, всех я их равно люблю и грехи прощаю, однако сами же его создания сих слов словно и не слышали. То и дело отступают от Божьих заповедей! Ну ладно еще бы в миру, в юдоли греха, царили злоба и немилосердие, однако и в обителях Божиих такие же дела творятся!

...В Кирилло-Белозерском монастыре сестрой Ольгой брезговали, словно шелудивой собачонкой. И косоротились, и задирали носы, и строили из себя святых и праведных. А она была *не праведная*. Ольгу привезли в монастырь брюхатою, держали в стороне от других инокинь, в уединенной келleyке, под присмотром, чтоб не сбежала. Она билась, тосковала, мирячила¹ с горя, а потом у нее вдруг случился выкидыш, причем на таком сроке, когда и ребенок не выживет, и матери опасность смертельная.

Младенца быстренько схоронили, Ольгу оставили выживать как ни попадя. Никто в монастыре за ней особенно не ходил. Да и в миру заступиться за нее, пожалуй, поинтересоваться ее жизнью было некому. Ольга сирота, всеми забро-

---

¹ Сходила с ума, заговаривалась.

шенная, забытая и покинутая. Отец ее умер. Мать и брат были отравлены. Человек, любовницей которого она недолгое время была и от которого зачала ребенка, отослал ее прочь от себя, чтобы жениться на другой и ту, другую, возвести на престол. А между тем Ольга прежде была царевной, а та, другая, – всего лишь дочерью какого-то польского воеводы...

Отцом Ольги был бывший царь Борис Федорович Годунов. Ее любовника звали государь Дмитрий Иванович (иногда, впрочем, его презрительно кликали Гришкой Отрепьевым, расстригою и самозванцем). Имя польки-разлучницы было Марина Мнишек. Ну а саму Ольгу, прежде чем она накрыла клобуком все, что осталось от ее чудесных, роскошных кос, звали царевна Ксения Борисовна Годунова.

* * *

В июле 1605 года Москва встречала царя-победителя – Дмитрия Ивановича, сына Грозного. И те, кто верил, будто он истинно сын своего отца, и те, кто, напротив, убежден был, что к престолу стремится самозванец, с равным восторгом ждали его восшествия на трон московских государей. Все устали от мрачной власти Годунова, обернувшейся годами страданий и мрачного террора.

Мрачен, мрачен был прежний государь! Не зря говорили про Бориса Федоровича иноземцы: «Intravit ut inlpes, regnavit

ut leo, mortus est ut canis(лат.)!»² Короче говоря, собаке – собачья смерть! А этот, новый, молодой, светлый...

Дмитрий и вошел-то в Москву в лучезарный солнечный день. Улицы были забиты народом – казалось, население столицы по такому случаю увеличилось не меньше чем вдвое. Люди нетерпеливо всматривались в восточную сторону, откуда по Коломенской дороге должен появиться государь. И вдруг там замаячила словно бы туча, прошитая сполохами молний: то мчались всадники, сверкая доспехами. В тот же миг ударили приветственно пушки, и залп заставил народ пригнуться к земле, пасть ниц, возопить счастливо:

– Челом бьем нашему красному солнышку!

Пышный царский поезд приближался с левого берега Москвы-реки: русские всадники в раззолоченных красных кафтанах, блистательные польские гусары, величественный строй русского духовенства... По слухам, Дмитрия сопровождало восемь тысяч русско-польского войска! Пышность, стремительность движения подавляли, вышибали слезу.

– Дай тебе Бог здоровья! – неистовствовал народ, сияясь донести до государя свою преданность и любовь, а он отвечал, осеняя приветственными взмахами руки павшую ниц толпу:

– Дай вам тоже Бог здоровья и благополучия! Встаньте и молитесь за меня!

Наконец, переехав мост, молодой царь оказался на Крас-

---

² «Вошел, как лисица, царствовал, как лев, умер, как собака!»

ной площади. Он приближался к Кремлю, откуда двадцать два года тому назад был позорно изгнан вместе с матерью, царицей Марьей Нагой, последней женой Ивана Грозного.

Подъехав к Иерусалиму (так называлась церковь на горе у Кремля), Дмитрий остановился, снял с головы шапку, поклонился как мог низко и возблагодарил Бога за то, что тот сподобил его увидеть город отца своего, Москву златоглавую, и подданных, которые сейчас воистину были готовы отдать за него жизни свои.

Слава победителю! Счастье победителю! И горе побежденным!

Годуновых согнали в заброшенный дом, в котором некогда жил тесть царя Бориса, баснословный палач Малюта Скуратов, и там предложили им выпить яд. На всю жизнь запомнила Ксения нетерпеливые лица – нет, они больше походили на звериные морды! – князей Василия Голицына и Василия Михайловича Мосальского-Рубца и их подручного Андрюшки Шеферединова.

Храбрее всех оказалась Марья Григорьевна Годунова. Она была воистину дочерью своего отца Григория Ефимовича Скуратова-Бельского, более известного как Малюта Скуратов. Мать выпила смертоносное питье и умерла на глазах детей. Ксения от ужаса лишилась чувств и больше ничего не видела, но потом ей рассказали, что и Федора принудили принять яд. Ксения, едва живая от потрясения, очнулась в

доме Мосальского-Рубца и узнала, что Дмитрию, ненавистнику Бориса Годунова, мало было уничтожить его семью, разрушить до основания его дом, мало было взойти на трон, с которого он согнал Годуновых, – ему нужно было и заполнить Ксению в рабыни-наложницы!

Горе побежденным! Женщинам побежденных – горе вдвойне...

Месяц прожила Ксения в доме князя Мосальского на положении узницы-затворницы. Первые дни лежала в горячке – молила, звала к себе смерть, однако та не послушалась. Ксения отказывалась от пищи, а как-то раз даже и впрямь попыталась наложить на себя руки, обкрутив вокруг шеи длинную, толстую, черную косу и сильно потянув. На беду, вошла в комнату служанка – подняла крик, созвала народ. Вбежал сам князь Василий Михайлович, и Ксения думала, он прибьет ее от злости, но досталось только ни в чем не повинной служанке. С тех пор с пленницы ни на миг не спускали глаз: горничные, сенные девки сменялись в ее комнате беспрестанно, ночью не спали, бессонно таращились на царевну. О, вот где настала мученическая мука! Ксения почувствовала, что от их неусыпного внимания вот-вот сойдет с ума.

Знала, почему ее не убили, почему так берегут. Вернее, для кого берегут! Настал ее черед. Ворвется, навалится потным, волосатым телом, вопьется щербатым ртом...

От одних мыслей таких Ксению начинало рвать желчью. Она исхудала, осунулась. Глядя на свои истончившиеся пальцы, вдруг почуяла надежду на спасение. Может, утратит красоту? Спадет с лица и с тела? Погаснут от слез глаза, разовьются кудри – ведь они от счастья выются, а не с печали! Может, не захочет ее Самозванец? Другую найдет, передумает брать себе на ложе некрасивую дочь царя Бориса?

Не передумал. В комнату ворвался князь Мосальский – глаза так и скачут, рот в струнку:

– Пришло твое время, Ксения Борисовна!

За ним вбежали горничные девки, подхватили Ксению с постели, поволокли под руки в сени, оттуда в придомную баньку. Уж ее мыли-мыли, терли-терли, розовыми водами ополаскивали, не давали отдышаться. Наконец до скрипа промытые, влажные волосы заплели в две косы. Принесли одежду. Ксения так и ахнула, узнав свой любимый сарафан – шелковый, темно-синий, с вышивной вставкой от груди до подола, и еще по подолу вышивка. Как же нравилось отцу, когда Ксения надевала этот сарафан!

Слезы навернулись на глаза, но тут же высохли, когда в ошеломленную голову прокралась мысль: для чего ее намыли, для чего волосы заплели, для чего нарядили. И ларец зачем подали, в котором держала она свои наилучшие украшения: серьги, ожерелья, запястья и перстни, – выбирай, и зеркало принесли...

«Настал час!» – сказал Мосальский. Знать, и впрямь на-

стал...

И все же Ксения гнала от себя эту мысль. Даже когда карета повезла ее вместе с князем Василием Михайловичем в Кремль. Даже когда повели ее по знакомым коридорам и переходам. Даже когда распахнули двери в просторную баню, в которой, знала Ксения, любил иногда париться отец. Для него баня и была нарочно выстроена: не как русская, а с какими-то хитрыми иноземными приспособлениями.

– Зачем в баню? – спросила Ксения, полуобернувшись к Мосальскому. – Я же только что...

И осеклась: Василий Михайлович, минуту назад следовавший на полшага позади, исчез. Дверь за спиной Ксении оказалась закрыта.

Вдруг донесся громкий смех. Женские залиvistые голоса сплетались с мужскими, басовитыми.

Ксения отскочила к стенке, забилась в угол. Прижала руки к сердцу: чудилось, оно вот-вот выскочит.

Отворилась тяжелая дверь, откуда понесло сырым горячим паром, и в предбанник вбежали три девки. Они были наги, мокрые; распаренные тела сверкали округлостями грудей, бедер, плеч; сырые косы змеились по спинам. Девки показались Ксении необыкновенно красивы – и в то же время страшны, словно ведьмы. Нет, водяницы-русалки! Вот именно: они были похожи на русалок, в которых, как известно, обращаются девушки, умершие от несчастной любви. А потом они безудержно веселятся и норовят вовлечь в свои объ-

ятия всякого пригожего молодца, чтобы защекотать его, зацеловать, залюбить до смерти.

Однако двое мужчин, которые появились в предбаннике вслед за развеселыми девками, меньше всего походили на покойников. Их статные тела были распарены до красноты, лица сияли здоровым румянцем, а зубы сверкали в улыбках.

Ксения какое-то мгновение оцепенело смотрела на полуголых мужчин. Чресла, правда, были прикрыты исподниками, однако натянули их мужчины на мокрые тела, поэтому они почти не скрывали ни мускулистых ног, ни обтянутого тканью, возбужденного естества.

– Что загляделась, Ксения Борисовна? – спросил один из мужчин, ростом повыше, черноглазый и черноволосый. Торс его густо порос черной шерстью. – По нраву я тебе пришелся?

Ксения его узнала. Не раз видела во дворце молодого воеводу Петра Федоровича Басманова, возвышенного ее отцом (род Басмановых, прежде бывший в несравненной милости у царя Ивана Грозного, потом впал в долгую опалу). Да, помнится, покойный брат Федор обещал ее в жены этому человеку, надеясь, что тот спасет его шаткий трон, его царство от самозванца. Ни мать, ни брат не спрашивали согласия Ксении на брак с Басмановым – да какое им всем было дело до ее согласия!

Второй был Мишка Молчанов, виденный мельком при отцовом дворе. Теперь они оба, что Басманов, что Молчанов, –

первые сподвижники самозванца.

Что с ней сделают эти двое, как натешатся? Обратят в игрушку своих прихотей? Или, не получив чаемого удовольствия, просто-напросто перережут ей горло?

Тошнота накатила, вновь начала обморочно кружиться голова.

– Эй, девки! Евины дочки! – воскликнул вдруг Басманов. – Что стали? Разве не видите – новая подружка ваша закручинилась, запечалилась? А ну, нарядите Ксюшеньку, как следует в бане быть наряженной, да поднесите ей для вознесения души чарочку-другую!

Девки, притихшие было в уголочке, со всех ног кинулись к госте, и не успела та и глазом моргнуть, как сарафан, рубаха и исподняя сорочка слетели с нее, и оказалась она раздета донага. От изумления, от неожиданности, от потрясения и испуга Ксения даже сопротивляться не могла: только вяло отмахивалась, бормоча коснеющим языком:

– Оставьте! Христа ради, оставьте! Да пустите же меня!

Наконец-то девки отступились от нее, явно довольные делом своих рук. Басманов и его сотоварищ по блуду смотрели вприщур, тяжело дыша. Потом Молчанов сделал шаг вперед.

– Не-ет, Мишка, – протянул Басманов, хватая его за руку, – моя она будет! А сунешься вперед меня, хрип перегрызу.

– Ой, не шибко заносись, Петр Федорович, – не то насмешливо, не то чуточку обиженно ответил Молчанов. – И

на хрип мой зубов не востри. Сдается мне, что нам с тобой лишь о втором да третьем чередѣ спорить придется! – И он кивнул на дверь, отдѣлявшую помещеніе мыльни от предбанника.

В ту минуту дверь из мыльни резко распахнулась, и на пороге в клубах горячаго пара показалась фигура невысокаго мужчины, одетого, вернее, раздетого так же, как и Басманов с Мишкою. Он поддерживал под руку пышнотелую девушку с мокрыми, полурасплетенными косами. Девушка была то ли усталой до полусмерти, то ли пьяной. Ноги ее подкашивались, глаза блуждали. Незнакомец заботливо довел ее до лавки, на которую она плюхнулась, словно ком сырого теста. Прислонилась к стене, завела глаза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.